

A Soviet propaganda poster featuring a young man in a military-style jacket in the foreground. The background is a textured red and orange gradient with a large yellow hammer and sickle, a yellow star, and a clock tower. The text is in white, bold Cyrillic letters.

Е. ПРЯДЕЕВ, П. БАРЧУК

**ПОЗЫВНОЙ
"КУРСАНТ"**

Павел Барчук
Евгений Прядеев
Позывной «Курсант»
Серия «Позывной «Курсант»», книга 1

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70360501

Аннотация

Я был успешным юристом. Деньги, девочки, гулянки! Жизнь удалась! По крайней мере, так мне казалось. А зря...

Судьба решила, я должен сделать что-то достойное и вот!

1938 год...Я – детдомовец в секретной школе НКВД. Товарищи меня ненавидят. Рядом вьётся мутный чекист. Впереди – нелегальная работа. На кону – мое будущее. Если выживу, конечно...

Примечания автора:

- ✓ СССР никто не спасает,
- ✓ Ни к каким фильмам книга отношения не имеет,
- ✓ Герой ни разу не прогрессор, он даже слова такого не знает,
- ✓ Герой хочет обратно домой, ему всё это даром не надо,
- ✓ Исторические личности имеются, куда без них, но авторы в данном случае никакой оценки не высказывают, их дело маленькое.

Содержание

Глава 1. О странных снах и не менее странных пробуждениях	4
Глава 2. В которой я соображаю, как выбраться из ситуации, но ничего не соображается	20
Глава 3. В которой я сильно напрягаюсь, но от этого не становится лучше	37
Глава 4. В которой я путешествую, но совсем этому не рад	53
Глава 5. В которой я начинаю познавать «прелести» новой жизни	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Павел Барчук, Евгений Прядеев Позывной «Курсант»

Глава 1. О странных снах и не менее странных пробуждениях

– Алеша... Где же ты спрятался? Ох, и негодник. Заставляет маму искать его по всем углам... Где же mein Lieblingssohn?

Я сижу в комодке. Я ужасно доволен. Хорошее место выбрал.

Старый комод похож на какое-то волшебное существо из сказок. Он – огромный. Его нижняя часть – будто здоровенная пасть великана. Открыл дверцы, пока мама считала до двадцати, забрался внутрь и все. Нет меня. Я исчез.

– М-м-м-м... Wo hat er sich versteckt?

Я тихо смеюсь, прижав ко рту ладонь. Куда же он спрятался? – вот что говорит мама. Она все время развлекает русский язык немецкими фразами. Забавная привычка. Уверяет, будто так тренирует мой ум и память. Хотя что их тренировать? Папа, между прочим, считает, что я очень смышлём-

ный и буду умнее его, когда вырасту. А уж немецкий язык мне вообще как родной.

Я осторожно, стараясь сделать это неслышно, прижимаюсь щекой к дверце комода и пытаюсь одним глазом рассмотреть, что происходит в комнате, через замочную скважину, но потом вспоминаю, ключ ведь на месте. Большой, металлический ключ. Ничего не увижу. Но зато есть длинная трещина. Комод очень старый, он весь покрыт такими трещинами. А вот одна, совсем глубокая. Ей можно воспользоваться.

Хочу увидеть в щелочку, как мама ходит по комнате с озадаченным лицом. Но получается рассмотреть только большой, круглый стол. На нем – ваза с конфетами. Огромный торт. Чашки, в которые разлит давно остывший чай... Эти чашки вынули из упакованных вещей в первую очередь. Мама говорит, они достались ей от бабушки. Мы пьем из них чай только по праздникам. Сегодня – праздник. Мой день рождения. Мне исполнилось целых шесть лет.

Правда, едва мы сели за стол, как за отцом приехала машина. Его забрали на службу. Ну-у, это он мне так сказал. Папа же не будет обманывать! Обнял меня, а потом произнёс непривычно странным, напряженным голосом.

– Алеша, я скоро вернусь. Твой день рождения – очень важное событие. Непременно вернусь...

Мой отец – серьёзный человек. Дипломат. Он никогда не обманывает. Особенно меня.

– Алеша... Где же ты?

Зажимаю ладошкой рот, чтобы не засмеяться. Как хорошо я спрятался!

– Алеша, ты ...

Мама не успевает договорить, потому что в дверь звонят. Настойчиво, не отрывая пальца от кнопки звонка. Громкий и какой-то тревожный звук. А потом, практически сразу, без малейшей паузы, неизвестные гости несколько раз бьют по входной двери. Мне кажется, это точно не папа. Он не стал бы так делать. Папа – тихий, спокойный. Всегда. А тут, будто ногами лупят изо всех сил.

Вдруг это разбойники? Как в одной из волшебных историй, которые папа читал перед сном в Берлине.

Просто всё в Московской квартире напоминает мне сказку. Комод, в котором я спрятался; мебель, старая и потертая; печь в углу комнаты... В Берлине мы жили иначе. Там совсем не было ничего сказочного.

– Гражданка Витцке, одевайтесь, Вам надо проехать с нами.

Чужой мужской голос кажется мне страшным. В нем нет злости, однако я точно чувствую, этот человек – плохой. И еще, он прошёл в комнату в грязных сапогах. А это совсем уж из ряда вон. Странно, что мама не сказала ни слова. Она ненавидит грязь. Я вижу в щелку, как эти сапоги остановились возле стола. Снег тает и стекает с них на пол. Чуть дальше – еще одни сапоги. Но вторые пока молчат.

Неужели и правда разбойники?

Пытаюсь устроиться поудобнее, чтоб лучше рассмотреть все происходящее. Делать это надо очень тихо, дабы не выдать свое присутствие и чтоб меня не заметили.

Если незваные гости действительно разбойники, то я дождусь подходящего момента и выпрыгну на них из комода. Возле печи стоит кочерга. Мне нужно только добежать и схватит ее. Нам тогда ничего не будет угрожать. А потом вернётся папа и все станет очень хорошо.

– Позвольте, но куда? Сергей на службе. Мне надо дождаться его...

Мамин голос меняется. Он немного дрожит. Совсем чуть-чуть. Я слышу, как в нем нарастает паника. Она точно так же разговаривала в прошлом году, когда меня лихорадило из-за высокой температуры. А потом вдруг мамыны легкие шаги приближаются к комоду, она поворачивается спиной, опирается о него одной рукой и... и другой рукой, незаметно для гостей, поворачивает ключ в замке.

Я догадываюсь, что мама хочет скрыть свой поступок от разбойников. Потому как она, ко всему прочему, тихо вытаскивает этот ключ и, не разжимая ладонь, сует руку в карман платья. Я ничего не понимаю. Зачем мама заперла меня? Это ведь не случайность. Не может быть случайностью. Выходит, она знает, что в комоду сижу я, но прячет от разбойников?

– Сергей ждёт Вас. Не переживайте. Как раз к нему на службу и отправимся...

Я очень хочу крикнуть маме, чтоб она не верила этому голосу. Он врет. Я Чувствую это. Точно врет. Но не могу произнести ни слова. Мне становится жутко. Ладони потеют. Я хочу вытереть их о брюки, однако в итоге просто сжимаю ткань пальцами и не двигаюсь.

– Вы... как же странно... – Мама отрывается от комода и подходит к столу. – Ничего не понимаю... Ну, хорошо... Что именно нужно взять с собой?

Я смотрю в щелочку, но отчего-то даже та часть комнаты, которую могу разглядеть, плывет и смазывается. Я моргаю несколько раз, а потом пальцами тру один глаз. Тот самый, которым наблюдаю за происходящим. Он мокрый. Это – слезы. Но я вроде бы не плакал...

– Ничего. Просто оденьтесь и поедem. Товарищ Разинков, помощи Марине Леонидовне.

– Не надо! Помогать не надо... – Мама идет в сторону шкафа.

Я больше не вижу ее. Шкаф стоит в дальнем углу. Вторые сапоги топают следом за ней. Устрашающе топают.

– Я же сказала, не надо помогать! – Мама говорит все громче. Она сильно нервничает.

– Дык малость придержу вещички... – Второй голос мне тоже не нравится. Он... хриплый, неприятный и какой-то лающий. Словно злой пес гавкает.

– Не надо ничего держать! Уберите руки! – Мама уже не просто нервничает, она выкрикивает слова, будто вот-вот за-

плачет.

Мне становится по-настоящему страшно. Никогда не слышал, чтоб мама так разговаривала. Вообще никогда. Ни разу.

Меня охватывает оцепенение! Наверное, я и правда в сказке. Поэтому не могу пошевелить даже пальцами!

Я слышу звук какой-то возни, потом что-то падает на пол. Но негромко. Я бы мог подумать, будто уронили ворох вещей. Стука или грохота нет. Есть только шелест ткани.

– Это... часы Сережи. Откуда они у Вас? У Вас, вот – на руке!

– Дык... ну... Не надо, гражданочка! Не надо хватать власть при исполнении за руки. И часы... Что часы? Похожие просто... – Хриплый голос неуверенно оправдывается.

– Нет похожих... – Мамины шаги теперь двигаются к выходу из комнаты. Медленно. Я понимаю это по тому, как они отдаляются от шкафа. – Нет похожих часов. Он приобрел их в Берлине... Потому и приобрёл. Единственный экземпляр.

– Разинков, держи! – Кричит вдруг первый голос.

Я пытаюсь понять, кого? Кого надо держать?! Не видно ничего через щелочку. Только все тот же, накрытый в честь дня рождения, стол. Снова раздаётся грохот, на этот раз гораздо сильнее. Будто упал стул или сразу два стула.

– Вот сука! – Ругается хриплый голос. Он злой, но немного удивленный. – Укусила! Укусила, тварь! Вот тебе – интеллигенты хреновы. Ах, ты...

Мне становится совсем страшно. Потому что я слышу

шлепок. Громкий. Словно кого-то ударили по лицу.

И мама больше не говорит, она мычит. Такое чувство, будто ей заклеили рот.

– Да что ж ты... дрянь! – Продолжает ругаться Хриплый.

Еще один звук удара. Глухой. И одновременно с ним – короткий мамин крик.

– Ты... етишкин корень! Разинков! Ты зачем ее об угол... – Первый голос злится. На маму, на вторые сапоги. На всех. – Твою ж дивизию... Смотри, дышит? Дышит, спрашиваю?!

– Товарищ Ляпин, ну, ты видел же? Она побегла к выходу. На улицу хотела, точно говорю. И гляди, дрянь, укусила...

– Ты на кой ляд часы его напялил, Разинков? Не терпится?

– Дык ему-то они уже не понадобятся... Зачем часы на том свете?

– Не понадобятся... – Первый голос повторяет за Хриплым с ехидной интонацией. Передразнивает. – Тебе тоже не понадобятся теперь. Отправишься за их бывшим владельцем, если узнают о причине сорвавшейся операции. Баба нам нужна была живой. Кретин... Поднимай её! Надеюсь, не сдохла контра...

Замерев, слушаю, как говорят между собой эти двое. Мне настолько страшно, что я не чувствую рук и ног. Все тело сковало, будто от сильного мороза. И еще начинают стучать зубы. Сжимаю их изо всех сил. Я хочу выскочить, а потом схватить кочергу и броситься на злых людей. Бить их так

больно, чтоб они больше никогда не приходили. Но не могу. Просто не могу. Я даже вздохнуть боюсь. Боюсь, что они услышат мое дыхание. А еще, ключ... Он лежит в кармане маминого платья.

– За ноги бери! За ноги! Разинков... Не под юбкой, за щиколотки. Вооот... Я за руки ухвачу. Давай... – Первый голос дает команды Хриплому.

Их шаги становятся тяжёлыми. Они медленно удаляются, а потом и вовсе уходят из комнаты. Я все равно не двигаюсь. Даже когда слышу звук захлопнувшейся двери, сижу, сжав зубы и вцепившись пальцами в ткань брюк.

Комод кажется теперь самым настоящим чудовищем. Он вдруг начинает уменьшаться. Его стенки будто наезжают друг на друга, сдавливают меня. Открываю рот, но не могу набрать воздуха... Задыхаюсь и...

– Сука! – Глухо крикнул я в подушку, которой кто-то невидимый давил на мое лицо.

Впрочем, «крикнул» – это слишком громко сказано. Прохрипел, простонал, промычал. Вот так будет точнее.

Грязная ткань сразу же оказалось у меня во рту, ибо не хрен открывать его в самые неподходящие для этого моменты. Воздуха не хватало катастрофически. Я реально понял, сейчас очень велик шанс лишиться даже той странной жизни, которая теперь имеется. А ведь только смирился с ней. Не привык, не в восторге и до сих пор, честно говоря, пре-

бываю в тихом офигевании. Но смирился. Просто осознал как раз за эти долбанные семь дней, все вокруг мне не снится, я не шизофреник.

И тут – ни хрена б себе, такое бодрящее пробуждение! А все этот чертов сон. Каждый раз, когда его вижу, словно в бездонную яму проваливаюсь. Ни на что не реагирую. Причем, он повторяется почти каждую ночь. Снится комод, пацан, мать пацана и какие-то люди. Но самое интересное, точно знаю, пацан – это я. Вернее не так... Черт... Как же странно даже думать о подобном. Даже предполагать...

Ясное дело, быть пацаном из сна не могу чисто физически. Не родился еще в то время. Вся обстановка в комнате слишком древняя. Но при этом, сон – четкое, явное воспоминание. Воспоминание того человека, чье место я занял неделю назад, оказавшись в довоенном детском доме. Господи... Как же дебилно звучит...

И это, между прочим, лишний раз подтверждает, психика у меня – железобетонная. В любом другом случае, любой другой человек реально чокнулся бы или... не знаю... вздернулся. Да и спокойно спать кто-то другой вряд ли смог бы в такой ситуации.

Я тоже не сплю, если честно. Как все произошло, так и не сплю. Вдрагиваю от малейшего шороха.

Но стóит присниться этой ерунде про пацана, который прячется в комод, и все. Мандец. Убивать будут, не замечу. Вот, собственно говоря, тот самый момент сейчас и проис-

ходит. Меня душат, а я все интересное пропустил. Хорошо, хоть под самый конец очухался. А то так бы и загнулся в этом проклятом, адском месте.

Резко брыкнулся ногами. Руками шевелить не мог, их, похоже, держали прижатыми к кровати. Значит, точно не один старается. Как минимум – трое.

Эти уроды между собой не разговаривали, делали все молча. Крысеныши сраные... Я со всей силы, еще раз ударил ногой. Под пяткой оказалось что-то мягкое. Судя по ощущениям, живот.

– Млять! – Громким шепотом матернулся один из нападавших.

Отлично! Попал! Надо повторить. В голове нарастал шум. Если сейчас не отобьюсь, они реально меня угандошат. Твари малолетние...

Я ударил ногой в то же место. Опять попал. Еще раз ударил. Невидимый враг глухо взвыл и одна моя рука оказалась свободной. Видимо, этого хорошо отоварил.

– Уходим... – Говорил тот же, что и матерился.

К сожалению, узнать его не смог. Во-первых, он специально понизил голос, во-вторых, подушка приглушал все звуки. А в третьих, я был готов уже вырубиться и плохо соображал. Отсутствие воздуха никого не делает бодрее.

Зато сразу исчезла тяжесть со второй руки. Потом раздались быстрые шаги и скрип кроватей. Три. Да, точно три. Вот уроды. На одного – втроем. Крысы и есть.

Скинул с себя эту долбанную подушку, а потом жадно несколько раз хапнул ртом спёртого воздуха.

– Суки... – Произнёс громко и отчётливо. – Ссыкло.

Поднялся на локтях, покрутил головой.

В просторной комнате, рассчитанной на двадцать человек, нас находилось гораздо больше. Кровати стояли едва ли не впритык. Большинство из них были сколочены из грубых досок. Для детдомовцев и такое сойдет.

В спальне стояла абсолютная тишина. Все пацаны лежали, не двигаясь. Некоторые даже сопели и похрапывали.

Ты посмотри, какая милая картина... Будто сейчас вообще никто не пытался вонючей подушкой меня придушить.

– Я все равно узнаю, кто это был. А когда узнаю, сломаю руки. – Сказал тихо, но так, чтоб каждая тварь услышала. Те, кто не спят, конечно. К спящим вопросов не имеется.

Это уже вторая попытка. Вторая! За неделю. В первый раз меня спасло внезапное появление воспитателя. Хотя именно тогда у малолетних уродов все могло получиться.

Я был в шоке и не мог до конца принять мысль, что очнулся в прошлом. Еще и в таком прошлом, где моим «бонусом» оказался семнадцатилетний ботан, которого ненавидит бóльшая часть воспитанников детского дома. Эти детали выяснились, конечно, несразу. Насчет ботана, прошлого и детского дома. Сначала просто было состояние офигевания.

И что получается? Детишки поставили цель убить меня? На обыкновенный способ проучить – мало похоже. Видимо,

наша первая стычка, которая вылилась в коллективную драку, сыграла слишком большую роль. Впрочем, как и мое поведение в следующие дни. Но тут имеется некое оправдание, если уж на то пошло. Даже в стрессе, я не мог смириться с тем фактом, что какая-то малолетняя шпана пыталась учить меня жизни.

Как? Как вообще я оказался в этой дебильной, ненормальной, фантастической истории? Если пытаюсь думать, искать ответы на подобные вопросы, возникает четкое ощущение, что схожу с ума. Потому что по всем законам природы не могут адекватные, обычные люди внезапно просыпаться в прошлом. Это невозможно. Мы ведь не в сказке живём!

Ровно неделю назад, я, вполне здравомыслящий, взрослый человек, отправился в клуб, чтоб обмыть с товарищами удачно завершённое дело. Конечно, насчет дела – это повод. В реальности просто была пятница, а по пятницам мы отдыхаем в определённом месте. И пил-то, не сказать, чтоб много. Как обычно. Вискарь, кола, немного химии для остроты ощущений.

В какой момент началась та заварушка, не понял. Мне лично было весело. Кто из моих пацанов закусился с соседним столиком, понятия не имею. Поэтому и просрал момент, когда по башке прилетело пузырьем виски. Вырубился в одну секунду. Просто в голове звонко ухнуло, а затем вместо мельтешащих цветных огней клуба и громкой музыки меня резко накрыло вязкой темнотой.

Когда очнулся, подумал, в больничку, похоже, забрали. Этот момент удивления не вызвал. Сначала. Просто бывало уже такое. Человек я горячий, по мнению большинства – охреневший. Даже от друзей частенько слышу, мол, бабло и папины связи испортили меня окончательно. Поэтому иногда происходят ситуации, в которых я не считаю нужным держать мнение при себе.

Соответственно, бывало такое, что после какой-нибудь особо грандиозной попойки просыпался в клинике. Но это всегда определённая клиника. В которой сутки пребывания стоят как месячная зарплата среднестатистического гражданина.

А вот сейчас ситуация выглядела совсем иначе. Я реально подумал, что в драке вырубился и меня забрали в обычную больничку. В очень убогую больничку для бомжей. Правда, непонятно, с хрена ли. Документы при себе. Да и товарищи мои не дали бы такому произойти. Даже если администрация клуба вызвала ментов. Особенно, если вызвали ментов.

Те просто уже не связываются с нашей компанией, зная ее состав поименно, ибо неоднократно бывали последствия после их вмешательства. Последствия, естественного, не для нас. А для доблестных сотрудников внутренних органов. Соответственно, друзья отправили бы меня в клинику, а никак не в руки бесплатной медицины. Только если прикола ради. Типа, поглумились.

Почему я решил, что нахожусь в какой-то жопе? Да по-

тому что открыл глаза и увидел серый потолок в разводах. Будто кто-то долго и часто на него ссал. Честное слово. Вот прямо очень похоже.

В палате было темно, ни хрена не видно. Я попытался сесть и в тот же момент понял, больничка не просто для бомжей. Она для самых поганых бомжей. Под задницей были жесткие доски, на которые бросили какое-то подобие матраца. Тонкое, со сбившейся комками ватой. Воняло это подобие так, что меня едва не вывернуло.

Второй момент, который, скажем прямо, сильно удивил, – это количество живых душ на один квадратный метр помещения. Впрочем, как и само помещение. Оно тоже вызвало недоумение своими старыми окнами, дощатым полом, лампочкой, висевшей на длинном проводе. Эту «красоту» я смог оценить даже в темноте.

Кроме того, большая комната была натурально набита кроватями. Просто, одна к одной. В полумраке я насчитал штук тридцать пять, не меньше. По идее, настолько плохой больнички даже в самой провинциальной глубинке, даже в самой жопе мира быть не может. В дополнение ко всему, в комнате стоял хреновенький запах, то ли несвежего белья, то ли потных ног, то ли грязных тел.

В следующую секунду меня буквально подкинуло на месте. Я отчётливо понял, в постели, где лежу, имеется своя, самостоятельная жизнь. Судя по всему, клопы или блохи. Ибо грызли они мое родное, любимое тело, нещадно.

– Это что за ерунда... – Сказал вслух, но сразу же заткнулся. Просто...

Голос был не мой. Нет, я, конечно, никогда не пытался оценить свой тембр со стороны и не особо этим вообще заморачивался. Если ты не вокалист, то по хрену, что там с голосом. Однако фраза, которая теоретически прозвучала от взрослого тридцатипятилетнего мужика, была сказана кем-то более молодым. Значительно «более».

– Су-ка... сука... су-ка... – Снова высказался вслух, медленно, по слогам. Пытался оценить, как звучит голос. А потом нервно хохотнул. Ибо он реально был не мой! Не мой, блин! Это как? Ну, или у меня с башкой что-то не в порядке.

– Слышь, придурок. – С одной из кроватей приподнялась голова.

Тело там, само собой, тоже имелось но оно лежало. А вот голова оторвалась от подушки и уставилась прямо на меня.

В комнате было темно. Единственный источник света – за окном, где-то совсем не близко, был уличный фонарь. Поэтому рассмотреть хорошо данного товарища я не мог, но при этом понял без малейших сомнений, со мной говорит подросток. Лет шестнадцать где-то. Башка у него была лысая, круглая, как мяч, и ушастая. Голос – раздраженный.

– Спи, козел, млять. Задрал! То мычишь по ночам, то на немецком орешь, как психованный. Теперь новый, что ли, репертуар. Спи! Алеша, епте...

– Ты совсем охренел? – Задал я пацану вполне логичный

вопрос.

Логичный, потому что при всех этих странностях точно был уверен в двух вещах. Первое – с какого перепугу мне хамит малолетка? Сейчас уши ему эти оторву, да и все. Второе – я не Алеша. Зовут меня вообще по-другому.

Наивный человек... В тот момент я еще не знал всей глубины задницы, в которой оказался. Даже предположить не мог. Потому что правда оказалась настолько фантастической, что поверить в нее почти невозможно.

Глава 2. В которой я соображаю, как выбраться из ситуации, но ничего не соображается

– Реутов, ты что здесь делаешь? Сейчас – время работы в мастерской. Опять сбежал? Что с тобой, Алексей? Я не понимаю. Ты же один из лучших воспитанников. Откуда этот непонятный бунт? Тебя просто как подменили!

Я мысленно выругался, тяжело вздохнул и поднял взгляд на директора детского дома, который замер прямо напротив меня.

– Алексей... – Он с осуждением покачал головой.

Вообще, на фразу про «подменили» хотелось искренне ответить – да! Да, блин! Подменили! И теперь приходится думать, как вернуть все обратно. Чтоб этот сраный Реутов стал самим собой, а я снова оказался дома. В своем времени, в своем теле, в своей жизни. Но ведь не скажешь подобное вслух. Договорить не успею, как меня отправят в психушку. Хотя... Нет. Сначала в гораздо более опасное место. А вот оттуда – в психушку.

Поэтому пытаюсь уже неделю придумать, как исправить приключившуюся со мной задницу. Черт... Неделя прошла. А подвижек никаких. Я-то, если честно, искренне надеялся, что уже следующим утром очнусь дома. Мало ли... Сбой в

работе вселенной. Затянувшееся на целый день помешательство. Белочка, на крайний случай. Ибо не хрен мешать алкоголь с веселым порошком. Ну, или, к примеру, сон. Вот такой хреновый, но очень реальный сон.

Хотя, нет... Врать не буду. Версию со сном отмел сразу же. Подобное не может присниться. Слишком натурально. В общем, семь долбанных дней я ложился на деревянный топчан, заменявший кровать, и вставал утром с мыслью – да ну на хрен! Причем, когда проваливался в вязкую пустоту после тщетных попыток найти решение проблемы, видел один и тот же сон. Чертов комод, в котором я прячусь, мать и голоса посторонних. Вернее, этот Реутов прячется, чтоб ему обосраться, честное слово.

Судя по всему, его родителей арестовали. Мать, чисто теоретически, случайно грохнули. А у пацана осталось воспоминание о том дне. Это объясняет его присутствие в детском доме, но ни хрена не объясняет мое присутствие в нем.

В общем, подумать есть над чем, но, как назло, здесь нет возможности остаться одному. Вообще никакой. Коллективизм, чтоб его! Приходится хитрить.

И ведь так хорошо спрятался. Надеялся, что об одном, единственном воспитаннике не вспомнят. Их тут, этих воспитанников, все равно до чертиков. Мало разве остальных? В общей сложности – человек двести, если не больше. Не пересчитывал поголовно, но думаю, цифра приблизительно верная.

Соскакивать с работы, между прочим, проблематично. Детдомовцы для ежедневной «трудотерапии» поделены на небольшие группы и каждая группа занимается определённым делом. Кто-то табуретки мастерит, кто-то землю копает. Более рукастым даже паяльник доверяют... Что угодно, лишь бы воспитанники не сидели без дела. Как говорится, дабы голова не думала о плохом, надо занять руки чем-нибудь хорошим! Раньше эта фраза казалась мне чьей-то глупой шуткой, но выяснилось, здесь ее считают аксиомой.

С «трудотерапии» начинается утро, и ей же заканчивается вечер. Всё чётко, по линейке.

Однако я все равно попробовал. Вероятность, что мое отсутствие останется незамеченным, очень даже имелась. К сожалению, не повезло. Заметили, похоже.

Но вот то, что Владимир Константинович разыскал меня в этом засраном углу, говорит лишь об одном. Поиски велись целенаправленно. И я вообще данному факту не рад. Сейчас бы посидеть, покумекать, сообразить, как быть дальше. Может, есть какой-то вменяемый выход из сложившейся ситуации? Настроения беседовать не имеется никакого, пусть даже и с целым директором детского дома. Потому как ситуация, конечно, – самый натуральный трындец.

Я только-только начал соображать нормально, без панических атак и параноидального психоза в голове, как было в первые два дня. К тому же время идёт, а воз и ныне там. Я по-прежнему просыпаюсь в детском доме Реутовым Алешей.

Больше тянуть нельзя. Надо срочно искать выход из этой задницы. Просто спокойно прикинуть одно к другому и все.

А вообще, конечно... В первые минуты, когда проснулся то ли среди беспризорников, то ли среди малолетних уголовников, чуть крышей не потёк. Честное слово! Особенно после того, как понял, ни хрена я не в больнице и ни хрена это не сон. Воняло слишком натурально для сна.

Правда, не сразу сообразил, где нахожусь. Оказалось – детский дом. А как сообразишь, если подобная версия даже в голову поначалу не приходила. Мне, на минуточку, тридцать пять! Я – взрослый человек, состоявшаяся личность и успешный юрист.

Ладно... не всё в своей жизни добыл честным трудом. Образование дали папины деньги. Место в приличной фирме дали папины связи. И само собой, многие считают меня, типа, мажором. Говорю «типа», так как сам считаю иначе. Но сейчас разговор даже не об этом.

В любом случае, в детский дом в реальной жизни я никак попасть не мог, хотя бы по причине возраста, положения и абсурдности ситуации. Тем более, не мог слышать чужой голос вместо своего.

А тогда, в первые минуты после пробуждения, просто не понимал, что за декорации вокруг и в каком безумном спектакле я участвую.

После закономерной претензии ушастому, высказанной мной, не охренел ли он, сразу «проснулись» еще человек

пять. Вопрос, кто же в итоге охренел, встал ребром. Настолько ребром, что через десять минут в комнате появился взрослый мужик, который врубил свет и кинулся нас разнимать. Нас – это меня и всех несогласных с моим мнением, что охренел точно не я.

Матерные крики, видимо, были слишком громкими. Ребяшки своими выражениями могли бы вогнать в краску любого уголовника.

– Реутов! Реутов, прекрати! – Орал мужик, пытаюсь оторвать меня от одного из пацанов. Вот так я узнал свою новую фамилию.

Вернее, орали, конечно, все. Особенно – тот, в чью щеку я вцепился зубами. Не то, чтоб мне не давала покоя слава Майка Тайсона, да и щека, это не ухо. Но как еще отбиться, если на меня одного напали кучей. Вот что мог, то и делал. Хотя, на хрена мне далась именно щека, затрудняюсь ответить. Шок, наверное. Словно переклинило. И, между прочим, считаю, вообще небезосновательно переклинило. Любого на моем месте коротнуло бы. Идёшь такой, весь из себя молодец, бухать с друзьями. Получаешь по башке. Просыпаешься среди беспризорной голытьбы в мало знакомом месте. Это как вообще возможно?

– Реутов, что с тобой такое?! – Мужик ухитрился все же раскидать кучу-малу из матерящихся подростков и теперь смотрел на меня суровым взглядом.

Я вытер чужую кровь с губ и в наглую уставился на

нежданного спасителя. Драться раньше, естественно, приходилось. В школе – от не хрена делать. Самоутверждался. Так можно сказать. Хотел доказать, что отцовские бабки не при чем и я сам из себя весь такой красавец. Пацан!

В универе – так же. Ну, и в основном по пьяни. В последние годы... Да черт его знает, почему. Вроде доказывать уже никому ничего не надо, а все равно, стóбит выпить, какая-то злость внутри просыпается. Но та драка, которая произошла сейчас, она сильно отличалась от всего, что было в моей жизни раньше.

Во-первых, Реутова этого, судя по всему, сильно не любили. Потому что своим поведением я словно дал повод этим пацанам оторваться по полной программе. Они будто ждали возможности накинуться на него скопом.

А во-вторых, не было никаких правил или страха, что кто-то кого-то покалечит. То есть, детдомовские крысятя накинулись на меня как раз именно с таким желанием – покалечить. И я сейчас не мужское эго отстаивал. Я реально дрался со свою жизнь.

А теперь еще этот дебильный вопрос. Что со мной такое! Нормально? Навалились, уроды, толпой на одного, а спрашивают, только с меня.

Не знаю, почему в тот момент я промолчал и не послал мужика, оказавшегося воспитателем, к чертовой матери. Почему не сказал правду. Что я в душе не гребу, кто такой Реутов, но он не имеет ко мне отношения от слова «совсем».

Впрочем, непонятный Алеша – тоже. Хотя, пожалуй, хорошо, что промолчал. Поехал бы в психушку той же ночью.

Я просто сидел на полу, стирал ладонью с лица кровь и смотрел на все, что меня окружает, с одной единственной мыслью – какого хрена происходит?!

На сон все это походило мало. Во сне ты никак не способен почувствовать боль. Даже если в твою физиономию прилетает кулак, а потом сверху еще получаешь удар по башке. Во сне ты, блин, – герой!

А я сейчас всё достаточно хорошо чувствовал. И боль чувствовал, и вкус крови во рту, и как меня пару раз пнули по ребрам. Еще, хоть убей, раздражала непривычная смесь запахов: дерево, пот и табак.

Однако, не это самое главное. Когда наша ругань с пацанами перешла в драку, выяснились гораздо более удивительные вещи.

Я вскочил с кровати и бросился на того, кто очевидно собирался броситься на меня. Закон любой мужской разборки – если драка неизбежна, бей первым. А не надо быть семи пядей во лбу, чтоб понять, драка точно неизбежна. Пацан явно не водички встал попить. Он, перепрыгивая с кровати на кровать, мчался прямо в мою сторону. И рожа у него в этот момент выглядела зверски. В темноте сложно, конечно, зрительно оценить степень агрессии, однако я смог. Видимо, тоже благодаря шоку.

Потому что именно в этот момент стало понятно, голос –

херня. Мелочи. Тело не мое! Вот это – просто офигеть, какой номер! Я не видел себя со стороны, но точно понимал, ни черта не тридцать пять. Ни черта не взрослый мужик.

Судя по всему, в данный момент я недалеко ушел от этих пацанов, которые подбираются ко мне со всех сторон.

Ну, и само собой, предположение подтвердилось, когда мы схлестнулись. Будь я тем, кем являюсь в реальности, троих точно оприходовал бы в первые минуты. Потому как за плечами, между прочим, и спортивная секция по борьбе, и тренажерный зал, и любительские занятия боксом. Помимо разницы в возрасте. Это даже не обсуждается.

А по факту выходило, я, лично я, знаю, как бить, но тело ни черта не знает. И оно вообще не готово драться. Оно худое, не особо сильное, мало тренированное.

– Млять! – Успел я сказать перед тем, как первый добравший ударил меня в лицо.

А потом – все. Потом было не до разговоров. Хотя при этом, в процессе драки я все равно продолжал все глубже впадать в психоз. Какого черта?! Какого, сука, черта?! Вот так хотелось заорать во весь голос. И мне кажется, именно это я орал.

– Реутов, не понимаю, почему именно ты? – Воспитатель буквально одним рывком поднял меня на ноги. – Что за приступы внезапной драчливости? Думал, после того, прошлого раза, который у тебя приключился девять лет назад, все наладилось. Сейчас что случилось? Ты можешь как-то объ-

яснить происходящее?

Мужик замолчал и снова уставился на меня осуждающим взглядом.

– А я что? – Вопрос мой, кстати, в данном случае был гораздо более обширным, чем могло бы показаться.

Вот именно... Что я? Кто я? Где я? Сука...

– А ты снова ввязался в драку. Алексей, ты ведь хороший парень... – Мужик вздохнул, затем очень неожиданно гаркнул. – А ну, спать быстро!

Переход был настолько резким, что я не сразу понял, чего это он про хорошего парня говорил спокойно, и вдруг зарорал, велел спать. Однако, по тому, как нехотя мои противники расползлись по местам, похоже, последняя фраза предназначалась им.

– Ты тоже ложись. И... Калинин... Что со щекой? Идём, спиртом обработаю. – Мужик в третий раз посмотрел на меня очень внимательным, странным взглядом.

Этот взгляд... Будто хомячок выпрыгнул из банки и погрыз ротвейлера. Вот, что было в глазах воспитателя.

– Иван Пахомыч, а Реутов во сне разговаривал раньше, теперь вскакивать начал. Может, он этот... как его... – Один из моих противников, тот самый, который первым кинулся драться, затупил, подбирая слово.

– Скаженный! – Подсказал ему кто-то из товарищей и большая часть подростков громко заржала.

Подростков... В комнате реально находились подростки.

От десяти до семнадцати или шестнадцати. Сложно оценить. Ну, как, блин?! Как?!

Я снова вытер лицо, подтянул трусы, заодно оценив их невероятно устаревший вид, уже и семейники такие не шьют, а потом дотопал до своей постели, если это можно вообще назвать подобным словом. Молча улегся, вылупив глаза в потолок.

За короткий промежуток времени, пока горел свет, успел оценить обстановку в полной мере и так же в полной мере охренеть окончательно.

Убого. Очень, очень убого. Даже то, что я изначально принял за кровати, на самом деле было чем-то навроде топчанов, застеленных тряпьем. Иначе не могу назвать. Большие деревянные окна, облезлые стены, пол из грубых, некрашенных досок.

И тело... Долбаное тело подростка.

До утра меня больше никто не трогал. Я так и лежал, пялясь в темноту. Пытался понять, как подобная история могла произойти. Ни черта не понял. Не было ни одной более-менее удобоваримой версии. Я, блин, взрослый мужик. По крайней мере, должен им быть. Где? Где мои тридцать пять лет? Где моя квартира? Где моя жизнь?

После подъема, который грянул в 5:30, начал осторожно выяснять подробности.

На самом деле, варианта у меня было всего два.

Я мог продолжать биться в истерике. Бегать, к примеру,

по спальне с криками и требовать, чтоб меня вернули обратно. Или доказывать всем присутствующим, будто их не существует, а я ни черта не Реутов. Но это – бред. Уже понятно, комната – реальна. Подростки – реальны. И я реален, хоть совсем не похож на себя.

Второй вариант – попытаться выяснить, где нахожусь. Хотя бы это. А дальше – уже соображать по ситуации.

– Эй, пацан... пшшш... – Позвал я тихо одного из соседей, пока мы заправляли свои постели.

Выбрал самого скромного, спокойного на вид. Хотя, это было вообще не просто. Контингент, конечно, в спальне собрался... Несмотря на юный возраст, некоторым клейма негде ставить. Глаза у всех злые, хитрые. Ощущение, будто так и смотрят, что бы скомуниздить да кому люлей навешать.

Пацан, на которого я сделал ставку, покосился в мою сторону с сомнением. Видимо, ночные события оставили неизгладимый след в его душе.

– Поди сюда... – Я поманил бедолагу пальцем.

Он оглянулся испуганно на остальных, но решил, наверное, не перечить психу. Ибо сложно назвать нормальным человека, который несколько часов назад пытался отгрызть половину щеки врагу.

В общем, от этого тихони я узнал, что находимся мы... В 1938 году!

– Извини... можно ещё раз?

– Сейчас 1938, октябрь. – Повторил Степан свою нелепую

фразу. Оказывается, так его звали. Стёпа.

И я бы даже посмеялся. Только ни черта не смешно. Пацан говорил уверенно. Я прекрасно видел по его поведению, он не шутит. Это не прикол такой. Он верит в информацию, которую сейчас доносит мне.

– Ну, да... – Я уставился в одну точку, переваривая услышанное.

Можно предположить, что меня каким-то образом поместили в психушку, а этот Степа – обычный сумасшедший. Поэтому несет полный бред. Мало ли, в жизни бывает всякое. Но... Тело. Тело всю ситуацию ставит с ног на голову. Конкретно тот факт, что оно не мое.

– А это... – Я мотнул головой, намекая на окружающую действительность. На комнату, подростков и все остальное.

– Что это? – Не понял моего вопроса пацан.

– Ну, находимся мы где вообще?

Лицо Степана вытянулось еще сильнее. Он явно начал переживать за свою сохранность, а точнее за целостность щек. Решил, наверное, у меня приближается очередной приступ неадекватности, раз я не соображаю, где нахожусь.

– Так детский дом это... Ты чего, Алеша? Живешь тут последние девять лет. И я тоже. Нас в один год привезли. Только тебя, по-моему, из колонии этого... Макаренко! Да. А я сразу сюда попал.

– Кто? Я? Ааа... ну, да... – Сначала хотел возмутиться, мол, какие, блин, девять лет. Но потом вспомнил, речь не

совсем обо мне.

– Ладно... пойду... А то скоро жрать позовут... – Степан бочком попятился от меня в сторону своей постели.

Видимо, мысль о внезапном сумасшествии товарища не оставляла его в покое.

Я молча заправил «кровать», а потом, под шумок, пока пацаны начали бурно спорить и на меня внимания не обращали, выскользнул из комнаты.

Мне нужно было зеркало. Любое. Хоть самое маленькое. Имелось огромное желание рассмотреть себя. Непосредственно – физиономию. Дабы наверняка убедиться, что-то пошло в моей жизни не так. Это, конечно, уже несомненно, но я должен все-таки увидеть своими глазами.

Оказалось, далеко ходить не надо.

Зеркало, конечно, не обнаружилось, но зато в широком коридоре, ведущем к другой комнате, стоял здоровый монстрообразный шкаф. Что-то подобное я когда-то видел в областной библиотеке. Внизу – три ящика, выше ящиков – полки за стеклянными дверцами. Помнится, в библиотеке в такой же мебельной прибуде стояли журналы с разными учеными и писателями на обложках.

Здесь же – ни писателей, ни журналов. Этот деревянный пенсионер должен был давно оказаться на мусорке. Одна ножка отсутствовала, вторая обмотана тряпкой. Шкаф продолжал держать равновесие только за счет здорового камня, подложенного под угол.

Если внутри когда-то и хранилось что-то полезное, то это явно было давно и неправда. Все мало-мальски ценные вещи уже нашли новые места и теперь на полках наблюдались только пыль и трупики мух, разбивших свои головы о чудом сохранившееся стекло.

Я подошел ближе и уставился на свое мутное отражение.

Среднего роста нескладный, чересчур худой. С первого взгляда – хрен поймешь, сколько лет. Точно не старше семнадцати, иначе меня бы в детском доме никто не держал. А так... Вид изнеможенный. Хотя, если каждый день в 5:30 вставать и спать на зассанных тряпках, ничего удивительного.

Ребра выпирают. Невооруженным взглядом видно.

Но помимо всего этого, имелся один странный факт... От чего-то незнакомое лицо в отражении казалось мне смутно знакомым. Вот такой каламбур получается. И по смыслу, и по форме.

– Кто ж ты такой... – Пробормотал я себе под нос, вглядываясь в подростка, которого показывало мутное, грязное стекло.

Очень любопытное ощущение. Будто сто раз видел его, но при этом, хоть убейся, не могу сообразить, где и когда.

– Хрень какая-то... – Сделал я вывод, а потом направился обратно в спальню. Стоять посреди коридора в одних трусах – радости мало.

Это был мой первый день в детском доме. Первый день удивительного перемещения в 1938 год. С того момента до

«сейчас», когда директор сиротского приюта разыскал мое укрытие, прошла неделя. Каждую минуту я думал только об одном – как отсюда выбраться. Не в плане места. Вот это – точно лишнее. Здесь, в детдоме, я хотя бы тупо имею возможность худо-бедно пожрать и поспать. Да и куда идти, такто? Нет. Выбраться из 1938 года обратно в свой 2023.

Уже не парюсь даже, возможно ли такое или не возможно. Хрен с ним. В любом случае я – здесь, значит, точно возможно. Как? Не хочу ломать голову. А должен быть совсем в другом месте. Совсем в другом времени.

– Реутов, ты не первый раз за последнюю неделю сбегаешь с работы. Сначала прятался в комнатах, теперь, значит, решил воспользоваться хозяйственной территорией. – Директор с осуждением причмокнул губами и покачал головой.

Я молча смотрел в другую сторону. Говорить не было желания. У него ночью чуть воспитанника не угандошили, а он за работу переживает. Какие странные приоритеты.

Кстати, подсознательно ждал нападения. Интуиция подсказывала, драку, произошедшую в первую ночь, мои «товарищи» не забудут. Вернее, даже не драку. Сам факт того, что я взбрыкнул. Воспитатель, который нас растащил, упомянул давнишний факт схожей ситуации. Я потом у того же Степана уточнил, о чем шла речь.

– Ты очень странный... – Ответил Стёпа после почти двух минут молчания. Смотрел он на меня с его ббльшим опасением.

– Слушай, просто скажи. Что случилось девять лет назад? – Я и без того был на взводе, а пацан бесил меня своей бестолковостью.

– Ну... Ты тогда отказался следовать правилам поведения. У нас главный был среди парней. Васька Косой. Он потребовал, чтоб ты, как все, воровал у деревенских жратву и приносил. А ты вдруг на дыбы встал. Сказал, мол, воровать не будешь. Это противоречит твоим принципам. Хотя Ваську все боялись. Он хотел тебя проучить. И вышла тоже драка. Но ты... В общем... Гвоздём ему руку проткнул. Хрен его знает, откуда он у тебя взялся. Здоровый такой, ржавый. И пообещал в следующий раз ему глаз выколоть этим гвоздём. Хотя сам еле жив остался. Тебя метелили четверо. В общем, Васька отступился со своими правилами. Решил, что ты этот... Сумасшедший. Так тебя и звали все. Юродивый. А потом в учебе попёр.

– Кто? Васька? – Уточнил я, немного теряя логическую нить рассказа Степана. При чем тут учеба?

– Да какой Васька?! Ты! Директор сельской школы с тебя кипятком ссытся. Говорит, как такое может быть? Беспризорник, шпана, а соображаешь похлеще этого... – Стёпа пожевал губами, вспоминая имя. – Менделеева! Вот. Да, он так и говорил. Ну и все... Тебя так-то не особо за своего принимали, а тут вообще. Кто ж из нормальных людей будет на уроках жопу рвать? Западло это. Да еще и ходишь сам по себе. Все время один. В башке что-то там гоняешь. Принципы

эти дурацкие... Не врешь, не воруешь, весь такой правильный.

Вот так я узнал о дополнительном бонусе. То есть, не только 1938 год, не только детский дом, но еще и репутация задрота, которого не любят все остальные. И вдруг этот задрот в ночи обложил матом своих более крутых «товарищей», а потом еще в драку кинулся. Один против всех. Ясное дело, мне такое с рук не спустят. Поэтому, конечно, ждал. Если бы не дурацкий сон, был бы готов. Хрен бы у них вышло с подушкой.

– Ясно... очередной внезапный бунт... – Протянул директор и снова покачал головой. – Ладно, идём. Я искал тебя целенаправленно. С тобой хотят побеседовать.

Он поманил меня рукой, а затем, развернувшись, направился к жилому зданию детдома.

Я бы с огромным удовольствием послал его на хрен. Но тон, которым было сказано, что со мной хотят поговорить... Голос директора звучал очень напряжённо. Даже, пожалуй, в нем присутствовал страх. Поэтому пришлось подняться с бревна, на котором я сидел, и топать следом.

Глава 3. В которой я сильно напрягаюсь, но от этого не становится лучше

– Реутов Алексей Иванович... Год рождения – 1921-й... Место рождения неизвестно... Та-а-ак... Это неважно, это потом... Нареканий по дисциплине не имеется. Отличные успехи в учебе. М-м-м-м... Прямо таки отличные... Интересно, конечно... Характер замкнутый, скрытный. Родители отсутствуют по причине...

Мужик в строгом костюме осекся, прервав свой затянувшийся монолог, затем уставился на меня задумчивым взглядом. До этого момента он вообще рассматривал что-то за окном, хотя там точно ни хрена интересного не имелось. Серая, унылая картина детдомовского двора. А я в течение некоторого времени наблюдал его спину. Теперь же он соизволил повернуться лицом.

От всего происходящего, на мой взгляд, сильно попахивало МХАТом. Хотя, конечно, если учесть, что это рассчитано на семнадцатилетнего парня, может, и не так уж глупо смотрится подобное поведение. Пацан мог бы повестись.

Я в ответ тоже уставился на мужика и тоже задумчиво, исключительно для поддержания общей атмосферы, царившей в кабинете директора. Типа, выдерживаем театральную

паузу.

Хотя при этом, лицо старался «делать» соответствующее возрасту, месту, да и всей ситуации в целом. А ситуация явно не из рядовых. Я сейчас даже не о своем существовании в 1938 году. Тут все ясно. Куда уж страннее...

Я конкретно об этом человеке, который на протяжении последних десяти минут по памяти зачитывал вслух биографию Реутова Алексея Ивановича. Причём делал это с интонационными многоточиями и выразительными акцентами. То есть, подготовился мужик основательно, изучил личное дело. Так выходит. На хрена?

Как оказалось, в кабинете директора меня действительно ждали. Конечно, не совсем меня, а этого пацана, коим я на данный момент являюсь. Однако, непроизвольно в моей голове все происходящее уже воспринималось реальным. Я начал полностью ассоциировать себя с Алешей, в чьём теле проснулся семь дней назад. Алеша... Даже имя какое-то дебильное.

– В общем, нет родителей... – Продолжил незнакомец.

Представляться он, кстати, не торопился. А я не торопился лезть с расспросами. Глядишь, сейчас быстренько закончим этот цирк, мужик скажет, в чем дело, и разойдёмся миром.

– Где они, что с ними случилось и кем являлись неизвестно. Если верить сведениям из твоих документов, воспоминания отсутствуют. То бишь, будучи ребенком, ты рассказать

ничего не смог. Прискорбно, но факт... – Туманно закончил свою мысль незнакомец и с очень неуместным сожалением покачал головой.

Да ну конечно! Руку могу дать на отсечение, ни черта ему не жаль. Разыгрывает передо мной какой-то дурацкий спектакль. Правда, пока что я абсолютно не могу понять смысл этого спектакля. Цель! Ибо у каждого нормального человека любой поступок, любое действие, ведет к чему-то. Если этот человек, конечно, не шизофреник. Однако с мужиком, который расхаживал передо мной по кабинету туда-сюда, заложив руки за спину, ситуация пока оставалось непонятной. Представить не могу, на кой черт ему понадобился пацан из детдома.

Тем более, мужик этот... Совсем непростой, вот так скажу. Его тёмно-серый костюм и шляпа такого же цвета, туфли, начищенные до блеска, гладко выбритое лицо и запах одеколona, вообще ни разу не ввели меня в заблуждение. Товарищ связан либо с органами, либо с военными, хоть одет «по гражданке». Это, наверное, у них с годами вырабатывается. Специфическое поведение и особая манера говорить.

Учитывая, какой на дворе год, ни первый, ни второй вариант совсем не вдохновляют. В некотором роде, я даже счастлив, что по документам этот Реутов оказался сиротой. Так оно спокойнее. Совершенно не хочется еще каких-нибудь сюрпризов. Типа папы – расстрелянного в качестве врага народа или мамы – дочери священника. А что? Я вообще не

удивлюсь подобному повороту сюжета. Мне, похоже, сверху, из небесной канцелярии, если таковая, конечно, существует, решили по полной навалить подарков в руки.

Может, мой диплом юрфака был не совсем заслуженным, как и череда «отлично» в этом дипломе, но насчет 1938 года всё-таки немного в курсе. Представление имею, насколько все тогда было сложно. И вот точно могу сказать, мужик явился не просто так.

Когда бледный и нервно оглядывающийся по сторонам директор впихнул меня в свой кабинет, а сам остался за дверью, уже было понятно, ситуация несколько нестандартная. Тем более, в комнате я увидел постороннего человека. Гражданину на вид было около сорока лет. Может, сорок пять, не больше. Его строгий костюм и шляпа смотрелись, если честно, в стенах детского дома немного диковато. К примеру, директор с воспитателями одеваются значительно проще. Про сироток вообще молчу.

Судя по той информации, которую удалось добыть за несколько дней своей новой жизни, в основном благодаря Степану, детский дом находится где-то на Урале, рядом с городом, имеющим трудно произносимое название. Я его даже не запомнил. Впрочем, может, это и не город вовсе. Может, село. Единственное, что понял наверняка, рядом – Свердловск. То есть, будущий Екатеринбург. В любом случае, не в столице живём. Тут все настолько просто, бедно и скромно, что даже запах одеколona незнакомца будто существует в

другой вселенной. В мире детдомовских реалий, его просто не может быть, этого запаха.

– Так вот, Алексей Иванович...

Мужик перестал, наконец, мельтешить перед глазами, подошел к столу и уселся прямо на столешницу, одной ногой опираясь о пол, а вторую согнув в колене.

– Вопрос у меня к тебе имеется, Алексей. Понимаешь ли ты, сколько много тебе дала наша советская власть? Живешь, можно сказать, на полном обеспечении. Имеешь теплую постель, кусок хлеба. Образование получаешь. Тебя же с улицы подобрали, спасли, можно сказать. Мог бы уже давным-давно загнуться.

Мужик немного наклонил голову, уставившись на меня исподлобья. Взгляд у него был... Холодный, колючий, препарирующий. Не нравятся мне такие взгляды. Видáли, знаем...

По идее, после столь конкретного намека, будто я обязан испытывать чувство огромной благодарности к советской власти, а уж тем более, после такого взгляда, должно последовать предложение, от которого невозможно отказаться.

Хотя, конечно, насчет теплой постели и куска хлеба дядя явно преувеличивает. Я бы с ними поспорил. Постель здесь, по моему мнению, похожа на бомжацкое тряпье. А ради куска хлеба приходится вгребывать, причем от рассвета до заката. Это хорошо ещё, что из-за осенней слякотной погоды мы всю неделю не ходили в школу, которая находится на рассто-

янии хреновой тучи километров от детского дома, в поселке. Что-то мне подсказывает, с учебой тоже не было бы легко. Именно мне. Судя по рассказу Степана, Реутов – типа детдомовского гения. Я, конечно, тоже не кретин, но все-таки восемьдесят с лишним лет – приличная разница. За это время система образования сильно изменилась и не факт, что в лучшую сторону. В любом случае, успеваемость пацана меня сейчас интересует в самую последнюю очередь.

Тем более, как я выяснил, детдомовских сильно недолюбливают сельские жители. Типа, только отвернешься, уже что-то скомуниздили. И между прочим, глядя на рожи своих «товарищей» точно могу сказать, деревенские их весьма недооценивают. Здесь на каждом можно уголовный кодекс отрабатывать.

– Многие, Алексей Иванович, тебе бы позавидовали, – продолжал тем временем мужик. Ласковый елейный тон выходил у него крайне плохо, но он старался. И вот это старание напрягало меня всё сильнее и сильнее. – Жить под крылом у советской власти – хорошее дело...

Я продолжал бестолково тарашиться на мужика, ничего не говоря в ответ. Естественно, молчал вовсе не от природной скромности. Имелось несколько важных моментов, которые совсем не укладывались в ту картину, которую успел себе нарисовать. Капитально не укладывались.

Во-первых, незнакомец упорно величал меня Ивановичем. А я из сна, который за неделю приснился раз пять, сде-

лал вывод, что отца Алеши звали Сергеем. Может, данный вопрос встал бы раньше, но ко мне тут до этого мгновения по отчеству никто не обращался. Однако, в любом случае факт весьма странный.

Во-вторых, у пацана явно были и отец, и мать. То, что сейчас меня объявили сиротой, который родителей, не имел вообще – тоже удивительно. Так, если что, не бывает. Версию про аиста, капусту или «под забором нашли» не рассматриваю.

Кто-то ведь произвёл на свет пацана. Тем более, уверен на сто процентов, сон, который снится – это не выдумка, не фантазия. Это – именно воспоминание. И там, на минуточку, у Алеши была полноценная семья. Он об этом знал, помнил. Иначе я бы не увидел сюжет с комодом. А мужик вон, утверждает, будто родители отсутствуют, как явление. Сам Алеша якобы, попав в детдом, или куда там его загребли, утверждал, будто не помнит своё происхождение. И как это понимать? Не срастается ни хрена...

В-третьих... Да к черту «в-третьих»! Первых двух пунктов более, чем достаточно, чтоб напрячься. Я молчу про то, что через три года настанут совсем тяжёлые времена. Молчу, кстати, потому как искренне верю, этот очень удивительный период в моей жизни закончится, я вернусь обратно. В себя родного и любимого. Невозможно представить, что останусь здесь навсегда. Даже думать о таком не хочу.

В любом случае, уточняющие вопросы задавать сейчас по-

просту глупо. Даже, наверное, опасно, если учитывать, каким взглядом на меня смотрит мужик. Есть ощущение, не оценят здесь мою любознательность. Однако, к сожалению, отмолчаться тоже вряд ли получится... Может, закосить под глухо-немого? Типа, в драке мне повредили жизненно важные органы... Да, нет. Бред полный. Не поверит никто.

– Ну! Что молчишь, Алексей? Или не согласен со мной? Хочешь что-то добавить?

Настойчивое желание мужика добиться от меня ответа, откровенно нервировало. Понимаю, говорить что-то нужно, в конце концов, я – сирота, а не идиот с диагнозом. О чем-то придётся разговаривать, иначе моё поведение станет выглядеть совсем уж подозрительным. Но о чем? Если я не знаю ни черта, кроме обрывочных сведений, полученных от Стёпы. Да и взгляд, которым товарищ меня натурально сканирует, напрягает очень сильно. Такое чувство, ляпну слегка не то и не к тому, жизнь моя станет совсем грустной.

– А что говорить? – Я громко втянул носом воздух, затем от души, во весь голос, рявкнул. – Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!

Про себя подумал, не знаю, как Сталину, а вот отечественному кинематографу, который в последнее время выпускал много фильмов про военные и довоенные годы, реально спасибо. Не думал, что они мне когда-нибудь пригодятся...

– Молодца-а-а... – Мужик соскочил со стола, в два шага оказался рядом со мной, а потом дружески хлопнул по пле-

чу. – Все верно, Алексей. Все верно говоришь... Детство у тебя было. Это уже, знаешь, ой, как здорово. Я вот в детские годы батраком работал. До сих пор на спине следы от плетей кулацких найти можно. Да... Ну, ладно. Не об этом разговор. Не обо мне. В общем, посмотрел я твои документы, успеваемость, характеристики...

Мужик опять вернулся к столу, взял с него какие-то бумажки и уставился на них с умным видом.

Спектакль, похоже, продолжается. Сам же сказал, «посмотрел», сейчас-то на хрена опять пялится? Чтоб я снова проникся моментом? Что тебе надо, товарищ в шляпе... Очевидно ведь, точно что-то надо...

– У тебя просто удивительные способности к математике, к решению задач, в частности. И еще... Ты один из лучших... Впрочем, нет... Ты лучший ученик с точки зрения учителя немецкого языка... Он утверждает, что столь правильного произношения не слышал почти никогда. Говорит, один раз лишь такое приключилось. И то, во время беседы с человеком, который в Германии родился, вырос и жил...

– Чудеса... – Я развёл руками, мол, ну, надо же, как неожиданно.

Просто мужик все время пялился мне в глаза. Постоянно. Говорил и пялился. Смотрел в бумаги, а потом снова пялился. Будто ждал какой-то реакции. Ну, и, честно говоря, насчет чудес – точнее не скажешь. Исключительно с той точки зрения, что в своей обычной, нормальной жизни я, вот ведь

совпадение, тоже идеально знаю немецкий. Большая часть отцовского бизнеса находилась до недавнего времени в Германии. Причем, лет двадцать уже. Мы часто мотались в Берлин. Вторая жена у родителя тоже была немкой. Или третья... Не важно, в общем. У него этих жен... Пальцев на руках не хватит, чтоб сосчитать.

– Мда... Бывает же такое... Нет, конечно, знай мы хоть что-то о твоей семье... Ты ведь помнишь? Сын за отца не в ответе... Ну, это просто, к слову. Если, к примеру, у тебя имелись бы родители и были бы они... допустим, с гнилыми, дворянскими корнями... Жаль, что ты ничего не знаешь о своём раннем детстве... Кстати, можешь называть меня Николай Николаевич... Думаю, часто будем теперь видеться. – Улыбнулся мужик, снова оторвав взгляд от бумаг, которые по-прежнему держал в руке.

А вот у меня из-за его последней фразы окончательно испортилось настроение. Его и раньше не было, конечно. Поводов для радости никаких! Но сейчас оно вообще упало ниже нулевого уровня.

Зато уверенность, что происходит какая-то хрень, возросла многократно. Ко всему прочему, крепло ощущение, мужик знает больше, чем говорит. Это очень, очень плохо. Потому что я, в отличие от него, не знаю ни черта.

Кроме дебильного сна и путанных рассказов Степана, который от меня теперь прячется, всячески избегая общения, информации в голове никакой.

Туман. Белый шум. Словно и правда пацан о себе ничего не помнил. Только не про детство, а вообще про все. Ничего нет в башке. Даже про недавнее время. События начинаются с момента, когда я открыл глаза в долбанной спальне детского дома.

И сон этот... Просто кусок определенного события. Что все-таки стало с матерью в итоге? Умерла, не умерла? Или откачали ее потом? Что с отцом? Так как последние годы Алеша находился в детском доме, вполне очевидно, ничего хорошего. Это я понимаю, само собой. Однако, подробности все же не помешали бы.

– Таааак... – Николай Николаевич снова уставился в бумажки. – Значит... С товарищами близких, дружеских отношений не завел. Одиночка. Крайне недоверчив... Хм...

Я переступил с ноги на ногу. Долго, интересно, все это будет продолжаться? Так-то конечности у меня не казенные. Я бы и присесть уже не против. Николай Николаевич с самого начала мог предложить стул. Их в кабинете целых три. Однако ни черта подобного он не сделал. Специально, так понимаю. Типа, психологической фишки. Я стою истуканом, а он может себе позволить все – ходить, сидеть, даже прыгать, если блажь такая приключится.

– И вот, Алексей, что интересно... Конфликтов с товарищами у тебя почти не случилось. Даже странно... За девять лет, всего два раза. Правда оба – запоминающиеся. В первый год, когда прибыл в этот детский дом... В записке вос-

питателя указано... Так... Секундочку... – Николай Николаевич принялся перебирать бумажки в поисках определенной. – Ага! Вот она... Значит, по прибытию произошел конфликт между Реутовым Алексеем и его товарищами, которые не приняли новичка. Однако, в дальнейшем ситуация разрешилась...

Мужик замолчал, уставившись в одну точку. Но уже через секунду тряхнул головой, словно отгоняя ненужные мысли, а затем продолжил.

– И вроде ночью сегодня драка у вас произошла... Тааак... А сначала ты у нас год провел в трудовой колонии... Это я в курсе... Кстати, в прошлом месте твоего проживания совсем другое говорят. Так вышло, один из воспитателей там до сих пор работает. Помнит тебя. По его мнению, Реутов Алексей отличался высоким уровнем агрессии... Впрочем, мог же ты измениться, попав в хорошие руки. Да? Всяко детский дом лучше будет. Забыл, наверное, ты, наверное, трудовую колонию имени Феликса Эдмундовича? Было тебе тогда, выходит, семь лет. Уже взрослый парень. Год там провёл. Подобрали на улице, как и большинство беспризорников. Воровал, ночевал, где придется... Не помнишь?

Я упорно тарашился на Николая Николаевича, если это вообще его настоящее имя, и попутно пытался сообразить, что ответить. Чем дольше продолжается наш крайне непонятный разговор, тем крепче становится моя уверенность – товарищ, который пытается выглядеть моим «другом» и хо-

рошим человеком, из чекистов будет. А главное – он точно мне не друг. Тут могу не сомневаться ни капли. Всё его поведение говорит об одном – Реутова он заведомо не любит, хотя очень старается показать хорошее отношение.

А вот за некоторые подробности – спасибо, конечно. Выходит, пацан на улице жил. Его там нашли. Значит, с родителями точно ни черта хорошего...

Странная штука – интуиция. Не особо принимал ее всегда на веру. Все-таки логическое обоснование посильнее будет, с моей точки зрения.

Однако сейчас во мне говорила именно она. Причем – моя интуиция, основанная на некотором опыте взрослой жизни. Пацан тут точно ни при чем. Я чувствовал каждой клеточкой своего тела, что-то либо уже происходит, либо скоро произойдет. Появление Николая Николаевича принесет перемены.

Но при этом, имелся еще внутренний голос. И он был уже не мой. Вот в чем прикол. Просто раздвоение личности какое-то. Впрочем, наверное, так и есть, если смотреть на всю ситуацию в целом.

Я по работе много разных людей видел. Однако с этой категорией товарищей, которых именуют в народе чекистами, несмотря на то, что организация давно называется иначе, встречаться не приходилось. Бог миловал. Учитывая, кем является мой отец, чаще, конечно, с другими, более приятными людьми общался.

А вот сейчас смотрю на мужика в шляпе и в башке словно красным мигает сигнал опасности. Не верь! Не верь! Не верь! Честно говоря, настолько он меня настораживает, что я бы не против свалить уже из кабинета. И желательно, больше встреч с ним не иметь.

– Ну... да ладно... – Николай Николаевич снова положил бумаги на стол. – Поговорим об этом позже. На месте поговорим, когда прибудем. Или не поговорим... Тут уж, как выйдет. Сейчас ты, Алексей, иди в комнату, собирай вещи, все, что есть. Жду тебя на улице у нас...

Он поднял руку и посмотрел на часы, украшавшие его запястье. Я тоже посмотрел. Хорошие часы, однако. Мог бы назвать их раритетом, но пока они таковыми еще не являются. Даже для этого времени часики весьма не дешевые. Я в дорогих вещах разбираюсь больше, чем в остальном. Ошибаться не могу. Круто, мне кажется, для обычного чекиста иметь подобную вещь.

Мысленно усмехнулся, стараясь не выдать эмоцию на лицо. Интересно, но я для себя уже решил однозначно – Николай Николаевич является сотрудником... Напряг память, соображая, какая сейчас контора занимает место будущего ФСБ. Комитета Государственной Безопасности еще не существует, вроде бы. Выходит, НКВД...

– У нас, Алексей, поезд через несколько часов. – Продолжил мой собеседник. – А нам нужно добраться до станции. Дорогу развезло сильно. Так что, поторопись. Меня сю-

да местный кузнец на телеге привёз. С ним и поедем. Так что, давай! Иди! Директор в курсе. Он уже подготовил все документы.

– Поезд? – Переспросил я, чувствуя себя совсем глупо.

Все-таки он реально смог меня удивить, этот загадочный Николай Николаевич. Я, честно говоря, к концу беседы начал подозревать, что у Алеши с родственниками какая-нибудь муть вышла, а теперь этот факт всплыл. Да и сон, опять же...

Учитывая, какой сейчас год, ситуация вполне реальная. Например, явился чекист, дабы выяснить... Хрен его знает, что выяснить... Может, семейные драгоценности ищет. Может, у Реутова и правда папаша какой-нибудь дворянин был. Вот потому родителей грохнули. Хотя, во сне он назвал отца дипломатом...

Хрень какая-то. Не срастается ни черта. Неспроста пацан с семи лет то по трудовым колониям, то по детским домам. В любом случае, это была моя единственная версия. А теперь – поезд. Что-то тут нечисто... За рядовым воспитанником сотрудник НКВД не поедет. Эти товарищи никогда и ничего просто так не делали.

То есть меня повезут в неизвестность. Единственное, что успокаивает, для радикальных мер неважно, какая имеется «стенка» и где она находится. Хоть на Урале, хоть у черта на куличиках. Да и смысла нет, тратиться на билет, если кончить решили. Соответственно, будь ситуация совсем хрено-

вой, меня бы и тут по-тихому оприходовали. Зачем вести куда-то. Но...

Какое удивительное совпадение выходит. Ровно за неделю до появления Николая Николаевича на месте Реутова оказался я. Верил бы в чудеса, решил бы, пацан специально это намутил, дабы избежать опасной встречи. Только я в чудеса не верю. А значит, смысл в происходящем должен быть.

Глава 4. В которой я путешествую, но совсем этому не рад

– Ну, что... Вот и добрались... – Высказался довольный Николай Николаевич.

Он одернул пиджак, сдвинул шляпу на лоб, покрутил головой по сторонам, будто опасался встретить кого-то знакомого, а потом махнул мне рукой. Этот жест, судя по всему, означал – нужно следовать за ним.

Чекист, перепрыгивая через рельсы, шустро рванул в сторону станции. Просто вылезли мы на каких-то запасных путях, на самых задворках железнодорожной цивилизации. Хотя вдалеке я заметил здание, весьма приблизительно напоминавшее Ярославский вокзал. Правда, до конца не уверен. Слишком большое расстояние, могу ошибаться.

– Добрались... точнее не скажешь. – Пробормотал я тихо себе под нос, чтоб Николай Николаевич не услышал, ибо доверия к этому товарищу не прибавилось ни на грамм, а затем двинулся следом.

Просто за время нашего путешествия, продлившегося без малого четыре дня, мы ни разу не стали близкими друзьями. Даже при том, что он очень старался. Особенно поначалу. Постоянно о чем-то говорил, что-то рассказывал, пытался балагурить, но больше всего выпрашивал. Делал вид, будто

ему до задницы интересно, как я жил все эти годы. Видимо, в его представлении Алёша должен был расчувствоваться, что наконец хоть кому-то есть дело до его беспризорной души, заплакать, упасть на грудь новому другу и сразу же начать каяться во всем. Даже если каяться не в чем.

А я наоборот – отмалчивался, изображая из себя чрезвычайно замкнутого, скромного парня, который пребывает в шоке от столь внезапных перемен в своей жизни. Решил, это самая лучшая тактика. Тем более, думаю, такое поведение вполне правдоподобно.

Причина моего молчания достаточно проста. Боялся ляпнуть не то. И сейчас, в компании Николая Николаевича – это именно страх. Потому что все так же оставалась неизвестной конечная цель – зачем меня забрали из детского дома? А если копнуть глубже, то вопрос становится совсем интересным. Зачем сотрудник НКВД тащит нафиг никому не нужного сироту за херову тучу километров? Выходит, пацан имеет какую-то ценность. А ценность для НКВД – очень сомнительный момент. Опасный даже, я бы сказал.

Тем более, мой сопровождающий делиться данной информацией не спешил. Тоже интересный тип. Главное сам не говорит ни черта, а я должен ему душу наизнанку вывернуть. Нашел идиота!

Николай Николаевич упорно все свои разговоры неизменно сводил к воспоминаниям. К моим, естественно. Начинал с какой-нибудь истории из своей жизни, но в итоге эта исто-

рия отчего-то вытекала совсем в другое.

– Алексей, ну, честное слово, исключительно любопытства ради... На самом деле ничего нет в башке? Ни капельки? Детские годы, колыбельная, мамины руки... Ну, как там обычно бывает... Нет? В детском доме, ясное дело, ничего особого интересного не происходило. Да? Ты же вон какой молодец. Кто-то баклуши бил, а кто-то делом занимался. Ага... Но вот про детство? Ты пойми правильно. Мне то все равно. Пытаюсь вникнуть в твою жизнь, потому что нам предстоит часто видеться и я, в некотором роде, буду старшим товарищем для тебя...

Повторил он в сотый раз с выражением фальшивой вселенской любви в холодных, змеиных глазах.

– Николай Николаевич, не могу никак сообразить, откуда все это? – Я в ответ обвел взглядом старый деревянный вагон, в котором мы тряслись уже приличное количество времени. – Вот Вы говорите, будем часто видеться... Почему? Куда мы едем? У меня неожиданно нашлись родственники?

Насчёт родственников, конечно, ерунду сказал. Просто, чтоб выглядело достоверно.

– Алексей, есть четкие указания. Должен доставить тебя по месту назначения. Служба, сам понимаешь... – Чекист покачал головой и с сожалением причмокнул губами. Мол, он бы исключительно не против поделиться сведениями, но положение обязывает держать язык за зубами.

– Жаль...

Я изобразил на физиономии еще большее сожаление, чем демонстрировал мой собеседник. Хочет выяснить, кто из нас тупее? Не вопрос. У меня нет ни малейшего желания претендовать на это звание. Так что, хрен тебе, товарищ чекист, а не откровенные беседы.

– Жаль, что не помню... Хотел бы помнить. Но... – Я развел руками, – Всё, как и указано в личном деле. Вы ведь сами так сказали. Место рождения неизвестно. Родители неизвестны. Нашли на улице, воспоминания отсутствуют.

– Ну, ничего... Это неважно. – Чекист натянуто улыбнулся. – Просто планировал узнать тебя получше.

Возможно, с настоящим Реутовым это прокатило бы. И возможно, настоящий Алеша поверил бы, что мужик, от взгляда которого хочется спрятаться, способен испытывать хоть какие-то добрые, искренние эмоции. Со мной – хренушки. Я, как человек, живущий во времена глобального эгоизма и личной выгоды, привык не доверять никому. Если кто-то что-то хочет получить, даже обычную на первый взгляд информацию, значит в этом есть интерес. И вообще не факт, что для меня такой интерес будет безопасен. Особенно учитывая, с кем сейчас нахожусь рядом.

Из-за его подозрительной настойчивости я все больше убеждался, Николай Николаевич пытается что-то вызнать. Что-то связанное с далеким прошлым Реутова. Ему эта информация нужна для личных целей. Потому что в случае профессионального интереса, никто меня ни о чем спраши-

вать не стал бы. Тем более, вот так по-хитрожопому. Слишком сложно. Взяли бы за шиворот, трягнули, как надо, и все. Я бы вспомнил даже то, чего никогда не было. Нет... Николай Николаевич мутит что-то свое.

При этом он явно считает себя очень умным товарищем, а Реутова, прямо скажем, не особо продуманным. Этаким простачком, который в силу возраста не заметит подвоха. Хотя, может, тупо рассчитывал на то, что пацан, которого постоянно доставали в детском доме, расчувствуется и начнет ему доверять.

А вообще, конечно, странно... Что такого особенного могло быть в юном возрасте Реутова? Даже этот сон, который я вижу. В нем ничего удивительного не произошло. Имею в виду, конечно, для этого времени. Подобных историй, уверен, случалось до хрена. Да и потом, пацан вообще сидел в комодке. Ни черта не видел. А больше мне, за неимением сведений, и предположить нечего.

В любом случае, при всем желании, даже если бы оно появилось, я ни черта сказать не могу. У меня не то, чтоб с прошлым Реутова, у меня с его настоящим проблемы. По-прежнему отсутствует информация, что происходило с пацаном до той самой «прекрасной» ночи, когда я проснулся в вонючем тряпье.

На второй день Николай Николаевич, видимо, решил, что его подопечный либо слишком стеснительный, либо слишком тупой. Бывает такое. В учёбе – гений, а в жизни – идиот.

Он плюнул на свои попытки наладить контакт и просто дрых всю дорогу, вызывая у меня приступ острой зависти. Потому что лично я, как не пытался, заснуть не мог. Только периодически проваливался в состояние полудрёма. И то, исключительно потому, что организм, видимо, успел охренеть от столь «замечательного» путешествия. Холодно, сыро, в маленькое окошко без стекла летит какая-то срань. Постоянно хотелось сожрать что-нибудь. Еще сильнее хотелось, чтоб весь этот бесконечный сюрреализм уже закончился. Просто какое-то долбанное кино получается. Сериал, твою мать... Про современного человека, переместившегося в прошлое. Только в главной роли по непонятной причине оказался я.

Мысли крутившиеся в голове, становились все мрачнее и мрачнее.

Если поначалу, находясь в детском доме, я искренне верил, вот, сейчас лягу в постель, закрою глаза, утром проснусь – здравствуй родная жизнь! И все. Забуду этот непонятный выверт моего сознания, который вылился перемещением в прошлое. Выкину навсегда из головы странный фокус вселенского разума. Или насмешку злодейки-судьбы. Оценивать можно по-разному. Забуду Реутова, детский дом. С особым удовольствием забуду теперь еще и путешествие в древнем, как остатки жизнедеятельности мамонта, вагоне.

Но с каждым прошедшим днем мой оптимизм насчет столь долгожданного развития событий неуклонно шел на убыль. Вполне понятно, почему. Реальность вокруг меня не

менялась, я все так же находился в 1938 году. Более того, начал понимать, похоже, не все так просто. Похоже, не торопится Реутов обратно на свое законное место. И где он вообще? Где настоящий пацан? Где его сознание, душа или как там называется все это. Короче, вопросов было все больше, а надежды все меньше.

На момент прибытия в конечную точку я мог с уверенностью говорить лишь о двух вещах.

Первая – мы действительно, как выразился Николай Николаевич, добрались. Не доехали, а именно добрались. И это еще самое приличное слово, которое возможно применить к нашему путешествию.

Когда в детдоме Николай Николаевич сказал, что нас ждёт поезд, я так себе это и представлял. Поезд, значит, поезд. То есть приехали, сели, колеса тук-тук, чай в подстаканниках и какое-никакое удобство. Даже учитывая время, в котором нахожусь. Наивный дурачок... Хрен там плавал!

Мы, вот именно, что – добирались. На каком-то сраном товарняке. В каком-то сраном деревянном вагоне. Судя по внешнему виду и запаху, в этом вагоне прежде возили что угодно, но только не людей.

На полу валялись кучки соломы, старые тряпки и еще какое-то дерьмо. Вот в этой соломе и в этом дерьме мы ехали несколько дней. От кого или от чего мы прячемся? Что за шпионские игры? Меня, как будто, украли. Почему нельзя было поехать в пассажирском вагоне? Среди людей, сидя

на скамейке, а не в куче говна и соломы. Как говорится, всё познаётся в сравнении. Если поначалу я думал, что детский дом – весьма убогое место для существования, то за время нашего путешествия понял, как сильно ошибался. Хороший детский дом! Теплый! Чистый! Жрать давали...

Сколько раз я вспоминал его с тоской за время нашего путешествия...

Получить кипяток удавалось только на немногочисленных станциях, где поезд тормозил на несколько часов. Про чай разговора вообще не шло. Я спросил Николая Николаевича один раз, нет ли возможности попить чайку, он посмотрел на меня, как на психа, и все. Больше подобных вопросов с моей стороны не поступало.

С едой – то же самое. Единственное, в некоторых местах, когда делали остановку, Николай Николаевич ухитрялся, как фокусник, который вытаскивает кролика из шляпы, притараканить откуда-то пирожки или бутерброды. Он просто исчезал минут на тридцать, а потом возвращался с едой. Но ее, конечно, было слишком мало. Чекист делил порцию по-братски на двоих, хлебал кипятка из железной кружки, а потом снова заваливался на солому и дрых. Позавидуешь человеку. У меня вот так быстро отрубиться не выходило.

Первый раз, когда мой сопровождающий ушел и его не было почти тридцать минут, я, если честно, немного напрягся. Грешным делом подумал, что он меня попросту бросил. Ну, мало ли. Может, ему реально нужно было что-то узнать,

а раз я ни черта не рассказываю, он решил, иди ты на хрен, Алёша.

Вообще, конечно, гадкое ощущение... Как у ребенка, которого мама оставила в очереди возле кассы и побежала за творогом. Касса всё ближе, а мамы всё нет...

Особенно гадко, что я, взрослый человек, хотя таковым сейчас и не выгляжу, испытываю нечто подобное. Просто... Как бы не был мне неприятен чекист, но сейчас он – моя единственная соломинка. Одному, где-то в глуши, в грязном вагоне, выжить получится вряд ли. Да и без вагона тоже ерунда выйдет. Мало того, время сложное, так еще о Реутове ничего не знаю.

Это, наверное, только в фильмах герои все круто решают. На ходу из поезда выпрыгнул, чекисту средний палец показал и помчался на личную встречу со Сталиным, чтоб предотвратить, к примеру, войну.

А потом стать первым человеком в стране. Вернее, вторым. Первый жив, здоров и нескоро данный факт изменится. В реальности – попробуй я выкинуть что-то подобное, очень быстро окажусь в обществе коллег Николая Николаевича. Только настрой у них будет совсем другой.

Поэтому, когда чекист нарисовался с пирожками, я испытал чувство некоторого облегчения.

– Так... Пожрать раздобыл... – Он положил передо мной мою долю, сам уселся напротив и принялся сосредоточенно жевать, о чем-то размышляя.

Спали мы прямо на деревянных досках, которыми застелен вагон. Было офигеть как холодно, между прочим. Выручала та самая солома и те самые тряпки. Из них удалось соорудить некое подобие лежбища.

Я в этом путешествии до конца понял, что означает выражение «добирались по медвежьему говну». Только мы по нему не просто добирались, мы в нем ехали.

Сам поезд тоже значительно отличался от тех, которые привычны мне. Хотя бы потому, что это был настоящий паровоз. Он пыхтел, гудел, трясся и издавал такое огромное количество посторонних звуков, что я первые сутки вообще испытывал сильное волнение. Казалось, еще немного, и мы просто пойдём на взлет. Или нас от такой тряски скинет к чертям собачьим с рельс.

И бессонница эта проклятая... Реально сложно заснуть, когда под задницей – деревяшки, под головой – скромный узелок с вещами, вместо одеяла – солома и тряпки неизвестного происхождения, а рядом храпит человек из НКВД, имеющий насчёт моей персоны очень туманные цели.

Вещей, кстати, оказалось очень мало. Пара штанов, ботинки печального вида, рубаха. Одна. Одна рубаха. И это при том, что директор, провожая нас из детского дома, утверждал, мол, теперь я их своим видом не опозорю. То есть, по мнению директора, собрали меня на зависть всем. Еще имелась скромная курточка. Ее я нацепил сразу. На улице так-то октябрь месяц. Хотя греть она ни черта не грела,

но немного теплее, чем просто в рубашке.

В общем, когда на четвертый день довольный Николай Николаевич объявил – скоро Москва, я реально испытал прилив огромного, просто огромнейшего счастья. Кто бы мог подумать, что столь обычные слова могут принести человеку радость. И кстати, да... Конечной точкой нашего загадочного путешествия оказалась столица. Мне, правда, было уже пофигу, лишь бы, наконец, оказаться в нормальном месте, где тепло, можно искупаться и пожрать.

Я с самого начала, едва только загрузились в вагон, пытался выяснить, куда мы вообще едем. Не в плане места, про Москву Николай Николаевич объявил сразу, а в плане цели. На кой черт мне нужно в столицу? Но мой провожатый с умным видом сказал:

– Всему свое время, Алексей. Вот окажемся там, где должны, тогда и поговорим. Сейчас набирайся сил.

После это фразы он расправил пиджак, который постелил прямо на солому, повернулся ко мне спиной и в одну секунду захрапел. Видимо, это была ответочка за моё нежелание откровенничать.

– Класс... – Я попытался глубже зарыться в тряпки, мысленно проклиная всё и всех.

Особенно Реутова. Вот пацан казался мне особенно виноватым в случившемся. И еще не давала покоя мысль. Если я тут, в нем, то... Он вполне может быть там, во мне...

Сука! То есть пока я тут корячусь в холодном вагоне, опа-

саясь подставы от чекиста, Алеша может прекрасно спать в моей постели, жить в моей квартире и...

На этом фантазия заканчивалась, ибо двух первых пунктов достаточно. Конечно, если рассудить здраво, такой вариант маловероятен. Я способен в 1938 году закосить под Реутова, а вот он под меня точно не сможет. Я, к счастью, достаточно взрослый, чтоб у малолетки прокатило сыграть мою роль. Но тем не менее, жаба давила сильно. Стбило подумать, вдруг мы с ним поменялись местами, аж с души воротило.

Хотя, в большей мере волновало, конечно, другое. Вопросы имелись к Николаю Николаевичу в первую очередь. Даже немало вопросов. Самый главный – на кой черт он меня забрал? Вернее, на кой черт ему понадобился этот долбаный Реутов. Однако, за недолгое время нашего знакомства понял, если чекист, в чьей компании я оказался, не хочет говорить правду, то смысла спрашивать нет. А спектакль, который он передо мной разыгрывает, изображая хорошего дядю, – мудё по воде.

И кстати, мои догадки насчет Николая Николаевича оказались верны. Это – второй факт, который больше сомнения не вызывал. Николай Николаевич – чекист. Самый настоящий. Данный нюанс подтвердился практически сразу, еще как только мы прибыли в Свердловск, из которого уже, в свою очередь, отправились в Москву.

Он прямой наводкой отправился к вокзалу, разыскал там

мужика, который был кем-то типа дежурного по станции, и сунул ему под нос документ. Этот документ я рассмотреть не успел, а вот лицо мужика – вполне. Оно сильно вытянулось и побледнело.

– Товарищ старший лейтенант государственной безопасности... Мы... Я... Чем могу, все в Вашем распоряжении. – Начал, заикаясь, бедолага.

– Нам нужно до Москвы. – Коротко бросил Николай Николаевич. А потом уточнил. – Срочно. Прямо сейчас. Подойдёт любой вариант.

– Конечно! Сделаем в лучшем виде. – Мужик суетливо кивал и заглядывал моему спутнику в глаза с выражением глубочайшего почтения.

«Лучший вид», правда, оказался сильно не лучшим, но это в моем понимании. Чекиста наоборот все устраивало и ни капли не смущало.

По прибытию в столицу, Николай Николаевич тоже вел себя достаточно уверенно. Когда я догнал его возле вокзала, он уже разыскал грузовик, внешний вид которого радовал меня ничуть не больше недавно покинутого вагона. Снова в голове мелькнула мысль – просто, блин, кино и немцы... По-другому не скажешь. Хотя, насчёт немцев... Тьфу-тьфу-тьфу... Точно не собираюсь ошиваться тут еще три года. Нужно что-то придумать. Непременно. Не бывает безвыходных ситуаций. Если меня сюда занесло каким-то чудом, то и обратно вернуться должен быть способ.

– В Мытищи едем. – Заявил мой сопровождающий водителю.

Тот не успел открыть рта, как ему был продемонстрирован соответствующий документ. В общем-то, на этом все возражения закончились. Даже если в планы водилы Мытищи не входили, сейчас он сильно захотел туда попасть.

Мы залезли в кузов, уселись возле стенки кабины и продолжили свой путь в неизвестность. Звучит красиво, по факту – хрень полная. Потому что неизвестностью все происходящее было только для меня. Николай Николаевич точно знал, куда и зачем мы едем.

Глава 5. В которой я начинаю познавать «прелести» новой жизни

– Это вокзал? – Я кивнул в сторону старого здания, мелькнувшего вдалеке.

Проскочили мы его быстро, но чисто по внешнему виду и по тому факту, что я отчетливо расслышал знакомые паровозные гудки, от которых аж сердце остановилось, и вовсе не в хорошем смысле, думаю, вопрос – риторический.

Просто, если честно, мне и в современных Мытищах бывать ни разу не приходилось. А уж про довоенные – вообще молчу. История данного района меня тоже никогда не интересовала. Наоборот, я всегда искренне надеялся, что моя жизнь никогда не даст трещину и я никогда не окажусь в этом «чудесном» краю Подмосковья. Потому что Мытищи у меня всегда упорно ассоциировались с бедностью и алкоголизмом. Наверное, это явилось итогом отцовских нравоучений, который после каждой тройки, полученной в лицее, швырял дневник на стол, а потом трагичным голосом говорил:

– Будешь так учиться, закончишь девять классов и пойдешь в «чушок». Женишься на какой-нибудь полумойке, уедешь жить к ней в Мытищи.

После столь страшной угрозы следовал тяжёлый вздох, за-

тем отец демонстративно уходил из комнаты, хлопнув дверью. Правда, ненадолго и недалеко. Буквально через час он уже забывал о причине своего расстройтва.

Я, если честно, сильно насчет его слов не парился. Был уверен, он просто не позволит единственному сыну скатиться в бедность. Для кого, как не для меня, зарабатывались все его миллионы? А вот поди ж ты... Накаркал батя... Появились таки в моей жизни эти чертовы Мытищи. Не в том, конечно, варианте, как он говорил, но все же.

Естественно, я не знал наверняка, что тут есть, а чего нет. На кой черт мне нужна была данная информация в прошлой жизни? Но вот наличие вокзала, если честно, сильно разозлило. Он издевается, что ли? Мой сопровождающий. У него чувство юмора такое или имеется неумная тяга к авантюризму?

– Ну? Вокзал, да. – Николай Николаевич с удивлением посмотрел на меня.

Он явно не понял намека, который был не скрытым, а очень даже очевидным. Практически – в лоб ему рубанул.

Какого черта мы тряслись на этой колымаге, если здесь имеется вполне удобный способ перемещения из Москвы?!

Вот, что я хотел сказать своей короткой, но крайне содержательной, фразой. Там, где вокзал, по-любому есть пассажирские перевозки. Ладно, из Свердловска мы бежали, вылупив глаза, будто за нами кто-то гонится. Могу даже предположить, что с поездами дальнего следования сейчас еще

пока напряг. Может, ходят раз в неделю. Черт его знает. Но тут-то! От Москвы – пол локтя по карте. Должен ведь быть железнодорожный транспорт.

– Здесь. Есть. Вокзал. – Повторил я снова, как попугай, интонационно выделяя каждое слово.

Он дурак, интересно мне, или притворяется? Или просто кайфует от того, что мы изображаем из себя Паспарту и Фогга. Те, правда, вокруг света за восемьдесят дней объехали, но им просто не пришлось по России-матушке путешествовать. Прозрели бы точно.

– Есть, конечно, вокзал. Чай не село. Город уже. – Согласился Николай Николаевич с абсолютно безмятежным выражением лица, которое бесило еще сильнее, а затем несколько раз постучал по крыше кабины.

Видимо, это был знак, что пора остановиться. Моей злости он не замечал или не хотел замечать. А может, реально не допускал мысли, будто пацан, который всю дорогу был тише воды, ниже травы, теперь решил показать характер. Впрочем, я уже немного успокоился. Даже, наверное, сам себя успокоил. Так будет точнее.

В конце концов, нельзя забывать, где нахожусь и с кем. Если буду позволять своим эмоциям проявиться, спалюсь по полной программе. Потому как настоящий Реутов должен быть всем доволен. Ему же сравнить не с чем. Уверен, Алёше вообще было бы за радость, что он в Москву приехал с ветерком, а не пешком топал, как Ломоносов из Архангельска.

– Хорошая машина. – Чекист прищелкнул языком и погладил борт кузова. – Надежная.

Я тактично промолчал. По мне, до хороших машин еще далеко. Лет этак восемьдесят. Ну, ладно, может, чуть меньше. Однако этот довоенный раритет, который Николай Николаевич, пока ехали, несколько раз назвал «полуторкой», точно к категории «комфортного транспорта» не относится. В нём не людей, а в лучшем случае – картошку возить.

Нас на каждом повороте болтало – мама не горюй! И если привычный Николай Николаевич умудрялся как-то растопыривать ноги, чтобы более-менее оставаться на одном месте, то я был вынужден цепляться за всё что угодно, дабы не вылететь нахрен на дорогу. В том числе, за самого Николая Николаевича, от чего он, ясное дело, восторга не испытывал и несколько раз даже цыкнул на меня.

– Ты барышня, что ли, не пойму. Сядь нормально. Держись за борт.

В ответ хотел ему сказать, что за борт держаться ни черта не получается, но в этот момент машину особо сильно подкинуло на кочке и я, громко щелкнув челюстью, едва не прикусил язык зубами. Поэтому решил оставить разговоры на потом. И конечно, был безмерно счастлив, когда наша автомобильная прогулка подошла к концу.

Вообще, честно говоря, немного иначе мне виделась жизнь чекиста в довоенное время. Вернее, она мне никак не виделась. О подобных вещах даже и не думал никогда. Но

сейчас, оказавшись во всех этих странных обстоятельствах, я все равно был изрядно удивлён.

Он же, черт подери, чекист! Всемогущее НКВД! Ну, должны быть хоть какие-то бонусы. Тачка нормальная. Относительно, конечно, нормальная... Где эти пресловутые «черные воронки»? У меня госбезопасность данного времени ассоциируется в первую очередь с ними. Где кожаный плащ до пола? Где оружие, в конце концов? «Маузер», наверное... В кино что-то такое видел.

Водила тормознул возле обочины и мы, наконец, спрыгнули на твёрдую землю. Сначала – мой провожатый, за ним следом – я. Говорю – «наконец», потому что появилась надежда, все-таки мы уже приедем хоть куда-нибудь.

А значит, есть шанс нормально пообедать, отдохнуть, ту-по согреться и расслабиться. Впрочем, насчет расслабиться я, конечно, зря. С этим пока не особо выходит. Хоть пожрать и то хорошо.

На улице не сказать, чтоб было сильно холодно, но всё-таки осень есть осень. Из-за сырости, которая пробирала до костей, меня немного подтрясывало. Нет-нет даже зубы постукивали.

Я, конечно, пытался вида не показывать, чисто из принципа. Потому что сам чекист, например, выглядел до тошноты бодрым, свежим и довольным. Либо у нас разное восприятие температурного режима, либо Николай Николаевич к таким «полевым» условиям привычный.

Мне же, зачем скрывать, никогда не приходилось испытывать ничего подобного. Хотя, и это несомненный факт, в данном случае Реутову можно сказать спасибо. Судя по тому, что я еще не загнулся где-то между Нижним Тагилом и Пермью, пацан достаточно закалённый. Из носа немного подтекает, а так – больше никаких признаков простуды не имеется.

Но тем не менее, если честно, терпение было на исходе. Все понимаю, и насчёт конспирации, которую надо соблюдать именно мне, чтоб никто не догадался кто я, откуда; и насчёт Реутова, поведению которого приходится соответствовать. Но боюсь, скоро я просто встану посреди дороги, задеру голову вверх и заору матом прямо в небо, пугая местных птиц.

Или, что более вероятно, все-таки сдохну от пневмонии, несмотря на удивительную крепость нового тела.

Это уже молча, без криков. Могу ошибаться, но мне кажется, в 30-х годах, даже антибиотики не изобрели. Или изобрели, но не те...

Короче, по фигу. Важно другое. Я вынужден терпеть все вот это – холод, голод, отбитую в кузове задницу – из-за тараканов какого-то чекиста, который везет меня, будто на самом деле выкрал. С-с-сука! Холодно как!

Да еще ужасно раздражал тот факт, что ехать из Москвы до Мытищ (Господи, как же я ненавижу это слово) пришлось, собирая собственной физиономией летящую на-

встречу морось. Такое положение вещей совершенно не добавляло позитива. Кузов-то у машины открытый. Скорость, конечно, не сказать, чтоб огромная, а все равно. Брызги грязи, дождь и еще какая-то фигня попадали прямо на нас с чекистом.

Причем, Николай Николаевич почему-то даже при таких условиях выглядел нормально. Ну, промок немного. И все. Пиджак, которым он, между прочим, все полы в вагоне обтер, смотрелся так, словно его недавно сняли с вешалки. Лицо чекиста было достаточно свежим. Даже обувь не особо грязная.

А вот насчёт себя я уверен в обратном. Судя по тому, что на глаза мне постоянно что-то стекало, а слякоть отметилась не только на ботинках, но и на всей одежде в целом, я в данный момент реально выглядел, как настоящий беспризорник.

– Так... идём... – Николай Николаевич, не дожидаясь меня, рванул через дорогу на противоположную сторону.

Хотя, мог бы спокойно перейти проезжую часть прогулочным шагом, даже не глядя по сторонам. Движения транспорта, что вполне ожидаемо, здесь практически не было. Мимо проехал ещё один грузовик, навроде того, в котором мы прибыли, да еще грустная лошадь уныло тянула телегу. Лошадь, блин... А мы ведь почти в Москве...

Я покрутил головой, оценивая местность. Судя по всему, не самая окраина, но и не центр города, где мною было за-

мечено здание вокзала. Оно, кстати, осталось позади, как и мой невысказанный вопрос: от кого мы скрываемся, раз пёрлись на машине, когда вполне могли хотя бы эту часть дороги проделать цивилизованно? Зачем вообще надо было заезжать в Москву? Я, конечно, не великий знаток логистики, но уверен, вполне возможно сразу попасть в Мытищи.

Абсолютно нелогичное поведение Николая Николаевича, по крайней мере таковым оно виделось со стороны, вызывало у меня зубовный скрежет. А приходилось сдерживаться.

Я вздохнул и отправился следом за чекистом, который уже топал по улице.

Окружающая действительность выглядела более, чем скромно. В основном это были деревянные частные дома. Достаточно чистенькие, аккуратненькие, но по моим меркам, убогие до невозможности.

– Мы точно на месте? – Крикнул я в спину своему спутнику.

Просто... Именно сейчас в голову пришёл один немаловажный факт. Постройки одноэтажные, частные, значит, удобства – на улице. Класс! Дополнительный минус в копилку всех «прелестей».

– Ты не тринди, а ногами шустрее передвигай! – Николай Николаевич, не оборачиваясь, махнул рукой, намекая, чтоб я поторопился.

– На месте, значит...

Я окинул грустным взглядом дома, выстроившиеся вдоль

улицы, а потом ускорился, чтоб догнать чекиста. Кстати, неподалёку заметил все-таки многоэтажное здание. Ну, как многоэтажное... Не высотка, само собой. Этажей пять, наверное, навскидку. Настроение, впрочем, один черт не улучшилось.

– Николай Николаевич, долго нам еще? – Догнал чекиста и попытался подстроиться под его шаг.

Ноги затекли, руки замёрзли, уши сильно хотели в тепло. Да что там уши. Я весь, целиком, хотел в тепло.

– Нет. Уже, считай, на месте. Сейчас заскочим, вещей чистых возьмем и в баню. – Бросил он через плечо.

Дорожка была не сильно широкая, поэтому я волей неволей топал немного сзади. К тому же, шаг – влево, шаг – вправо, и велика вероятность провалиться в грязь.

– В баню? – Уточнил я.

Переспросил не потому что плохо расслышал, а потому что не верил своему счастью. Хоть что-то приятное за эти одиннадцать дней адской жизни.

В детском доме тоже, кстати, ходили слухи, будто воспитанникам полагается баня, но на уровне слухов эта информация так и осталась. Потом – путешествие в грязном, вонючем вагоне. Естественно, я испытывал огромное желание тупо помыться. А баня – это настоящий кайф.

– Да. Вон, видишь, машиностроительный институт. – Чекист махнул рукой в сторону той самой многоэтажки, пожалуй, единственной на этой улице. – Рядом с ним – баня. А

нам... вот... Сюда.

Он резко свернул к одному из домов. Так резко, что я едва не проскочил мимо.

– Вот блин... – Ругнулся себе под нос, развернулся и потопал вслед за чекистом.

Мне нравится, конечно, насколько мужик уверен в силе своего авторитета. Даже не заморачивается, а не отстал ли я, не сбежал ли. Так-то бывший беспризорник вполне мог двадцать раз уже сделать ноги. Вопрос, конечно, в том, что лично мне их «делать» некуда. Но чекист же не в курсе.

– Заходи, не стесняйся. – Николай Николаевич легко взбежал по ступеням, остановился, потянулся вверх и принялся что-то щупать пальцами в небольшой дыре, которая имелась справа от входа. – Жилплощадь, так сказать, служебная, но вполне себе ничего. Отличная жилплощадь. Я ее частенько пользую, если где-то поблизости нахожусь.

Через секунду он уже открывал навесной замок на двери большим ключом, который, как оказалось, и являлся предметом поисков.

В доме было не намного теплее, чем на улице. Хотя выглядел он вполне добротным. Старый, бревенчатый, с окнами, украшенными ставнями, с резными наличниками. Чисто деревенский формат, конечно. Но все равно достаточно солидно.

Еще я успел заметить несколько хозяйственных построек, в одной из которых под навесом лежали аккуратной стопкой

дрова.

– Класс... – Задержался на пороге, осматривая территорию. В частности – эти самые дрова. – Похоже, насчет центрального отопления тут еще не в курсе...

Само собой, говорил тихо и точно не с хозяином дома. Просто я максимально далёк от всей этой сельско-бытовой романтики прошлого. Хотелось бы уже нормального комфорта хотя бы в рамках данного времени. Ясное дело, на гостиничные апартаменты с джакузи никто не рассчитывает, но блин... Сотрудник НКВД мог бы жить попримичнее, а не в избушке. Неужели им не положены... Не знаю... Квартиры, например. Хорошие, теплые, с мебелью и кухаркой. Тем более, служебные.

– Ты идёшь? – Крикнул из глубин дома Николай Николаевич. – Где застрял, Алексей?

– Застрял... Точнее не скажешь. По самые помидоры застрял... – Раздраженно буркнул я, затем переступил порог и вошёл внутрь.

Дом выглядел просторным. Сходу заметил три комнаты. Одна выполняла роль кухни. Там виднелись стол, табуретки и, судя по всему, примус. Самое интересное, я точно знаю, что это – примус.

Причина столь обширных познаний – известная фраза из классики, сказанная котом Бегемотом, который этот самый примус «починял». Помню, в школе мне незнакомое слово настолько засело в башку, что я интереса ради нашёл кар-

тинку, дабы оценить, как оно выглядело. Честно говоря, был разочарован. По сути – прародитель электрической плитки. А мне казалось, Бегемот говорил о чем-то мистическом, таинственном. Вот и пригодилось это знание... Кто бы мог подумать...

Примус стоял прямо на столе, а чуть дальше виднелась плита, но не совсем обычная. Рядом с большой дверцей, которая, наверное, выполняла роль духовки, имелись еще две поменьше. Верхняя часть выглядела абсолютно ровной. Конфорок, как таковых, я не увидел. В общем, странная конструкция.

Остальные две комнаты были жилыми. Там стояли кровати, шкафы для одежды. Одна из спален – значительно больше. Наверное, типа зала или гостиной. Именно в этой комнате я краем глаза заметил печь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.